

Владимир Мевцов

*Стихи
и Рэйки*

Владимир Шевцов

Стихи и Рэйки

«Издательские решения»

Шевцов В.

Стихи и Рэйки / В. Шевцов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508391-3

Прошло более ста лет с того момента, как доктор Микао Усуи в результате медитации получил Божественное Откровение в виде луча света, вошедшего в его голову на горе Курама. Этот свет и был энергией Рэйки. В настоящее время система излечения с помощью энергии Рэйки используется во многих странах Мира. Особый интерес представляет также и духовное наследие доктора Усуи в виде 125 стихов императора Мэйдзи, которые доктор Усуи предлагал читать своим ученикам для повышения своей духовности.

ISBN 978-5-00-508391-3

© Шевцов В.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Стихи и Рэйки

Владимир Шевцов

© Владимир Шевцов, 2019

ISBN 978-5-0050-8391-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эту книгу я посвящаю своей любимой жене

От автора

В настоящее время при столь развитых СМИ, глобальной паутине интернета можно получить различную информацию по любому вопросу.

Если при этом учесть наличие интернет переводчиков с различных языков, то задача изучения интересующего вопроса существенно упрощается.

Одним из таких вопросов является система Рэйки. Казалось бы, что с момента получения доктором Микао Усуи Божественного Откровения в виде луча света, вошедшего в его голову, и открытия энергии Рэйки прошло более ста лет, но эта история продолжает волновать многих его последователей. Не менее интересным вопросом является и духовное наследие доктора Усуи, оставленное нам в виде 125 стихов императора Мэйдзи. Почему именно стихи императора Мэйдзи использовались доктором Усуи, который рекомендовал своим ученикам многократно перечитывать эти мудрые строки для духовного совершенствования?

Если обратиться к хронологии событий, то видно, что детство и юность Микао Усуи (родился 15 августа 1865 года) проходили в период правления императора Мэйдзи (1862 – 1912 гг.). Этот период называют Эрой Мэйдзи, когда Япония прошла через политическую, социальную и индустриальную революцию. Очевидно, что эти преобразования не обошлись без противодействия со стороны старшего поколения, воспитанного на самурайских традициях. Поэтому можно предположить, что поэтическая деятельность императора была направлена в первую очередь на формирование нации, на воспитание и изменение мировоззрения подрастающего поколения и подготовку его к жизни в новом обществе.

Можно представить себе состояние народа, которому раньше под страхом смерти запрещено было смотреть на императора, а тут сам император появляется перед народом, проявляет заботу о народе, пишет стихи, которые воспевают духовные традиции народа, учат видеть прекрасное, призывают ценить человеческое существование. Поэтому поездки императора по стране всегда привлекали толпы народа, который приветствовал своего императора в любую погоду. В то время в Японии было много грамотных людей – 45 процентов мужчин и 15 процентов женщин умели читать. Для передачи информации служили экстренные выпуски цветных гравюр (нисики-э) и подобию газет – листовки, выпускаемые от случая к случаю.

Очевидно, что стихи императора распространялись по стране также и через учебные заведения, монастыри, от человека к человеку. Их заучивали, распевали или выговаривали нараспев.

Доктор Усуи был образованным человеком. По одним источникам он был буддийским монахом, по другим – христианским монахом и преподавал в школе при монастыре в городе Киото, а по версии Хавайю Такаты был ректором колледжа при университете Досиса этого города. Поэтому доктор Усуи хорошо знал поэзию императора и участвовал в её распространении среди учеников колледжа и населения. Можно считать, что использование стихов для воспитания, изменения мировоззрения населения и создания японской нации было гениальным решением императора. В этом смысле образ Мэйдзи действительно соответствует традиционным представлениям о верховном правителе, который своими стихотворными упражнениями приводил страну и природу в гармоничное состояние. Когда же определённая часть населения (критическая масса) приняла реформистские идеи императора, то в дальнейшем сработал «эффект сотой обезьяны» и эти идеи стали достоянием всего народа Японии.

По всей видимости, 125 стихов императора Мэйдзи, отобранные доктором Усуи для духовного воспитания своих учеников, словно в зеркале отображают всё поэтическое наследие императора, которое включает около ста тысяч стихов и которое сыграло важную роль в истории японского народа.

Что же собой представляют эти стихи? Это короткие стихи, написанные в форме вака, с жёсткой размерностью 5 – 7 – 5 – 7 – 7 слогов в соответствующих строках. Короткие стихи характерны тем, что информация в них предельно сжата, что позволяет существенно расширить область размышлений. Вместе с тем, название каждого стиха и его размерность дисциплинируют мышление, сужая область размышлений и направляя мысль на обдумывание конкретной проблемы.

Писать стихи в форме вака – довольно сложная задача. Император обучался поэтическому искусству сначала вместе со своим отцом, а затем в кругу других поэтов. Если учесть, что стихи написаны императором на древнем японском языке, то это значит, что император использовал все приёмы стихосложения, известные ещё с древности. Учитывая склонность японцев к лаконичности поэтического выражения, все эти приёмы, с одной стороны, были ориентированы на то, чтобы сделать более сложной и красочной образную структуру стихотворения, а с другой – чтобы расширить и насытить внутренними подтекстами его смысл. Отсюда возникает некоторая аллегоричность стихов не только императора, но и других известных японских поэтов. При этом одним из самых излюбленных в японской поэзии приёмов является использование «слова-связки», когда смысловым центром стихотворения становится слово, имеющее двойное значение. В результате в стихотворении возникает второй смысловой план, создающий эффект объёмности содержания и требующий прочтения дополнительного смысла как бы между строк.

Одной их характерных особенностей поэзии вака является то, что пятистишие возникло как послание силам природы, богам, человеку.

Сочинявший стихотворение, как правило, надеялся на вполне определённый результат – рассчитывал повлиять на поступки и чувства других людей, добиться их благосклонности, подчинить себе их помыслы, пробудить в их сердцах любовь и др. Поэтому для древних японских поэтов стихотворение было чем-то вроде заклинания, с помощью которого они хотели повлиять на мир. Как видно, этими приёмами и воспользовался император в своих стихах, решая одну из главных своих задач.

Как говорят японцы, сочинить настоящее вака может только японец.

Наверно, это так и есть. Во-первых, вся японская культура и поэзия в частности представляет собой неразделимое единство природы и человека.

Поэтому человек здесь не является чем-то высшим по отношению к природе и не может быть мерилем всех вещей, а является частицей мира и взаимодействует со всеми его частями. Другое дело – европейские поэты, считающие окружающий мир и природу отделёнными от себя и существующими обособленно от человека. Поэтому в Европе поэзия была и есть одним из способов отражения действительности. В Японии же наоборот – поэзия выполняет роль посредника между человеком и окружающим его миром, являясь средством достижения гармонии человека и мира. В европейской поэзии человеческие чувства сравниваются с теми или иными явлениями природы, а в японской – человеческие чувства непосредственно через эти явления природы передаются, поэтому порой даже трудно сказать, о чём идёт речь – о чувствах или о природе. При этом японский поэт ничего не описывает и не отображает, а творит новый мир, в котором сердце человека является одновременно и сердцем природы, и сердцем песни. Все эти три сердца, как три сущности, составляют единое целое и выявляются посредством слова.

Во-вторых, образное мышление народов Юго-Восточной Азии, куда относится и Япония, привело и к такой же образной письменности. В этой письменности каждый иероглиф – это не буква или слово, а образ, который в зависимости от того, как он написан (нарисован) и какое место занимает в строке, может передавать различные чувства, цвета, запахи, вкусовые ощущения, эмоции, сравнения, отношения и др. В отличие от европейской поэзии, где произведение полностью воспринимается при его прочтении вслух, когда раскрывается его истинная

ценность, красота созвучий и рифм, поэзия в Японии стала не столько звучащей, сколько зримой. Отсюда тесная связь японской поэзии с каллиграфическим искусством. Эта традиция, возникшая в поэзии вака, сохранилась и в других поэтических жанрах до настоящего времени.

Поэтому, когда на семинарах Рэйки участники семинаров сочиняют стихи в стиле вака, то можно сразу сказать, что эти стихи не являются вака. Это могут быть пятистишья с размерностью вака 5—7—5—7—7 и даже не являются стихами танка с такой же размерностью. Ну просто не сможет европейский поэт вместить в 31 слог то, что сможет вместить иероглифами японский поэт.

Японскую грамматику трудно сравнить с грамматикой индоевропейских языков, и учитывая вышесказанное, перевод этих стихов представляет определённую сложность, так как их содержание может быть понято и переведено по-разному. Поэтому зачастую переводчик, используя законы русского стихосложения, вводит в перевод дополнительные обороты, вполне обычные для русской поэзии, но исключительно редкие в японской.

Следует учитывать также, что при каждом переводе стихов с одного языка на другой всегда что-то теряется. А теперь можно представить себе, как после всех этих переводов прекрасный цветок первоисточника, обладающий красотой всех своих форм и изысканным ароматом, вдруг предстаёт перед нами в виде ободранного стебля, по которому можно лишь догадаться, что это был цветок. Даже самый гениальный дословный перевод не может передать всей гаммы чувств, ощущений, сравнений и красоты первоисточника.

Возвращаясь к духовному наследию доктора Усуи и оставляя красоту и изящество поэзии вака для японцев, остаётся довольствоваться только содержанием стихов императора, которые носят в основном воспитательный характер. Дословный перевод позволяет выделить основной смысл содержания стиха и даже уловить его аллегорию, но многое зависит также и от субъективного восприятия переводчика.

Например, содержание первого стиха императора «Луна», приведенное к размерности вака выглядит следующим образом:

Так много людей,
Не приняв новых идей,
Ушло в мир иной.
Только на небе Луна
Всегда одна и та же!

Здесь, по всей видимости, слово Луна имеет двоякий смысл и является демаскирующим фактором для аллегории. Казалось бы, причём тут Луна, когда в стране идут изменения и старшее поколение, не принимая этих идей, уходит в мир иной? Аналогичная ситуация происходила и в нашей стране, когда миллионы людей старшего поколения, воспитанных на коммунистических идеях, ушло в мир иной, не приняв идеи «перестройки», развала СССР и «демократических» реформ Ельцинского периода.

Но дело здесь в том, что Луна тоже имеет фазы изменений, но при этом остаётся та же. Этот вопрос и волнует императора, какой будет страна после всех перемен? Останется, как и Луна, та же или будет другой?

Поэтому скрытое содержание этого стиха можно выразить так:

Сколько раз Луна
Не менялась на небе,
Она всё та же,
Но после всех перемен
Страна не будет та же!

В противном случае, зачем нужны были все эти жертвы? История подтверждает правоту императора, и после всех перемен Япония действительно стала ведущей державой Юго-Восточной Азии.

Если взять второй стих императора «Небо», то здесь важное значение приобретает смысл слова «кокоро». В Японии есть свое понятие – «кокоро», олицетворяющее одновременно «ум, сердце, душу, сознание». Понятие «кокоро» в традиционной японской культуре рассматривалось не только как эмоциональное содержание произведения, но и имело глубокие онтологический и гносеологический смыслы, являясь символом всеобщей связанности вещей. «Кокоро» могло записываться разными иероглифами: син/синь – «сердце, душа, психический центр, сердцевина»; насакэ/цин – «чувство, любовь, симпатия, эмоциональный»; и/шэнь – «намерение, желание, воля; настроение, чувства, душа; мысли». Таким образом, «кокоро» превратилось в отличительный признак и неотъемлемый атрибут человека, психическую и познающую деятельность, способность чувствовать, выражение индивидуальной воли и желания. Если в данном случае говорится о сердце, то, как сказано выше, это сердце человека, природы и стихотворения, то есть единая сущность. Если говорится о душе, то это единая душа и человека, и природы, так как человек и природа (мир) составляют единое целое. Учитывая всё сказанное, можно предположить, что смысл данного стихотворения можно выразить следующим содержанием:

Чтобы я мог бы
Слиться с душою неба,
То моя душа
Тоже должна быть чистой,
Ничем не омрачённой.

Отсюда следует, что понимание содержания зависит от субъективного восприятия стиха, а возможных вариаций здесь очень много, в этом и заключается вся глубина скрытого смысла данного стихотворения.

Также следует обратить внимание и на стихи с заглавием «Случайная мысль». По всей видимости, в этих стихах или очень глубокий скрытый смысл, или его нет. Поэтому содержание этих стихов следует понимать напрямую.

Император всегда носил с собой блокнот и карандаш и мог за день написать до пятидесяти стихов. Такая плодотворная поэтическая деятельность могла привести к тому, что такие стихи записывались, не вкладывая в их содержание какого-то скрытого смысла, что требовало дополнительного времени, которого у императора было мало.

Возникает вопрос, почему не кисть и краску носил император, ведь иероглифы надо рисовать, а не писать, да и воспитание императора включало не только изучение и искусство стихосложения, но и каллиграфию.

Все поэты Японии были и отличными каллиграфистами, кроме императора.

Его отношение к каллиграфии выражено в 31 стихе «Каллиграфия»:

Совсем неважно,
Каким иероглифом,
Пишется письмо —
Красивым или же нет,
Лишь бы можно прочитать!

Говоря о духовном наследии этих стихов, надо признать, что они имеют достаточно сильную духовную компоненту и учат любви к родителям и к своей родине, уважительному и бережному отношению к старшему поколению, видеть прекрасное в природе и в другом человеке, заставляют задумываться о будущем и многое другое.

С другой стороны, при высокой уважительности отношений японцев между собой, сплочение нации привело к росту милитаристского духа Японии в целом. Именно в эпоху Мэйдзи начался японский милитаризм и колониальная экспансия. К середине 1890-х годов Япония перешла к политике внешней экспансии, в первую очередь в географически близкой Корее. Натолкнувшись на сопротивление Китая, Япония в ходе японо-китайской войны (1894 – 1895) нанесла Китаю сокрушительное поражение.

Договор, подписанный в 1895 году по итогам войны, зафиксировал отказ Китая от всех прав на Корею и передачу Японии ряда территорий, включая Ляодунский полуостров и Маньчжурию.

Политика, которую проводила Япония на захваченных территориях, отличалась жестокостью по отношению к местному населению. С ещё большей жестокостью относились японцы и к военнопленным. Трудно представить, что император, проводя эту политику, не знал о злодеяниях японских войск на этих территориях. Возникает несоответствие между духовностью японцев, воспитываемой стихами императора, с одной стороны, и жестокостью тех же японцев на захваченных территориях, с другой. Получается, что эта духовность должна проявляться только в отношениях японцев между собой, но не в отношениях к другим народам.

Некоторые источники утверждают, что роль императора Мэйдзи в политике войн остаётся спорной. Кое-что о его чувствах можно узнать из его стихотворений. Например, в стихотворении 54 «Человечность» император пишет:

Правило войны —
Бей врага ради страны,
Только при этом
Побереги свою жизнь,
Чтобы вернуться домой!

В первой части стихотворения император явно поддерживает войны, которые ведёт Япония якобы ради своей страны, а через некоторое время в стихотворении 121 «Высказывание о правильном образе мыслей» он пишет:

Трудно понимать,
Почему идут войны,
Если говорят,
Что все люди на земле —
Это братья и сёстры!

В этой двойственности рассуждений трудно увидеть в императоре пацифиста или, по крайней мере, человека, который хотел бы избежать войны.

Тем не менее надо признать, что стихи императора Мэйдзи сыграли определённую роль в Реставрации Японии и продолжают служить примером воспитания духовности.

Но при этом надо отметить, что эти стихи не являются духовной основой Рэйки, а являются средством воспитания духовности. Духовной основой Рэйки являются принципы Микао Усуи, которые изложены на мемориальном камне могилы Микао Усуи и которые гласят:

- Именно сегодня не злись, не сердись, не гневайся и не обижайся;
- Не беспокойся, не волнуйся и не бойся, будь исполнен благодарности;

– Усердно трудись в повседневной жизни, неустанно работай над собой, бескорыстно помогай людям;

– Будь добрым, сердечным и доброжелательным;

– Каждое утро и каждый вечер складывай ладони в Гассё и пусть твоя молитва, произнесённая губами, идёт от самого сердца.

Если изложить эти пять принципов в стихах для лучшего запоминания, то они будут звучать так:

Воздержусь я именно сегодня
От гнева, зла и беспокойства,
И пусть обиды в течение дня
Утратят во мне свои свойства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.